

М.Н. Покровский

**Очерки русского революционного движения
XIX - начала XX века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.Н. Покровский**
Очерки русского революционного движения XIX - начала XX века / М.Н. Покровский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 100 с.

ISBN 978-5-458-52351-6

Вниманию читателя предлагается книга выдающегося советского историка и государственного деятеля М.Н.Покровского, представляющая собой курс лекций, составляющий часть, по словам автора, "первого марксистского курса русской истории". В книге дается обзор русского революционного движения, начиная с восстания декабристов и заканчивая событиями Февральской революции 1917 года. Большое внимание уделено экономической истории России и влиянию промышленного и торгового капитала на революционное движение.

ISBN 978-5-458-52351-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

Мне придется прочитать курс русской истории по плану, который теперь кажется мне самому несколько устаревшим. Это план того курса истории революционного движения в России, который я читал когда-то в старой Свердловии, в 1919—1920, кончая 1921 годом, — план, который начинался с первой половины XIX века, с декабристов, и заканчивался, не доходя до Октябрьской революции. В последнее время, как вы, может быть, слышали, я в Свердловском университете читал именно курс истории Октябрьской революции с обширным введением. Здесь этот курс будет читать другой лектор, но, тем не менее, мне придется все-таки отправным пунктом и для своего курса сделать все ту же Октябрьскую революцию.

Нас в последнее время пробовали учить, что мы должны в своих исторических курсах главное внимание уделять современности. В попытках открыть тут что-то новое не без недоразумения. Ибо никакой марксист, о чем бы он ни говорил и ни писал, хотя бы о каменном веке, не может не отправляться от современности. За это именно мы терпим постоянные нападки от буржуазной профессуры. Мы не можем, уходить от современных впечатлений, и, мало того, мы, нимало не хвалясь, можем утверждать, что этого и не нужно делать, и что, только отправляясь от современности, можно оценить прошлое. Последнее, конечно, приводит буржуазных профессоров уже в совершенный транс, и они утверждают, что мы являемся вовсе не учеными, а публицистами, да еще скучными публицистами, и потому никакого значения все наши писания не имеют. Это, конечно, совершенный вздор, и если когда-нибудь был в общественной науке метод действительно научный, то это только метод исторического материализма. Другого нет.

Я не хочу терять времени; но стоило бы указать — вы можете найти об этом в «Очерке истории русской культуры» - ряд ярких примеров того, как наиболее умные и толковые из буржуазных историков невольно переходят на почву исторического материализма каждый раз, когда они искренно хотят понять события. Возьмите последний всемирный конгресс историков, происходивший в Брюсселе несколько месяцев назад, весной нынешнего 1923 года. Там были, конечно, исключительно буржуазные профессора. Вы догадываетесь, что в теперешний Брюссель, под столицу Антанты (первая столица Антанты на континенте - Париж, вторая — Брюссель), коммунистов просто-напросто не пустили бы; там никаких коммунистов не было, но, тем не менее, университетские профессора там делали доклады совершенно в историко-материалистическом духе. Так, один профессор, который докладывал о так-называемом возрождении наук и искусств, возрождении классической древности в конце средних веков, объяснил это влиянием торгового капитала. Объяснение для меня, человека, открывшего, можно сказать, роль торгового капитала в истории России, особенно, конечно, приятное. Он говорил не о России, а о Западной Европе.

Другой пример того, как они ломятся в открытую нами дверь, — это на том же конгрессе развивавшаяся идея, что жирондистыⁱ (о которых вы, конечно, хорошо знаете) времен французской революции были классовой партией. Для нас это не новость, конечно, это давно установлено Куновомⁱⁱ и Каутским в их хорошие годы, — но любопытно, что буржуазный профессор нашел нужным преподнести всемирному конгрессу эту, для нас с вами весьма старую, но для них совершенно свежую истину, именно, что это была партия, представлявшая интересы определенного класса, как он определяет, интересы буржуазии (это было нечто в роде наших кадетов, как вы знаете).

Все эти примеры, которые множатся с каждым днем, показывают, что другого пути к пониманию истории не существует, кроме нашего старого материалистического и диалектического метода, и что против воли это усваивается в настоящее время широкими кругами буржуазной профессуры. И вот с этой точки зрения, я повторяю, надо рассматривать прошлое, отправляясь от современности. Это одновременно и успокаивает наших читателей, так боящихся, что мы академизируемся и оторвемся от современности, и в то же время дает некоторое оправдание тому, несколько устаревшему плану моего курса, о котором я говорил.

Прежде всего, относительно современности. Что является собственно основным стержнем всего русского революционного движения? Наша рабочая революция — это, как все мы прекрасно понимаем, и как вам объяснит ваш преподаватель по курсу Октябрьской революции, есть явление мировое. Это не есть национальная революция, объяснимая в узких рамках, вытекающая исключительно из русских условий, местных и временных условий России. Империалистическая война определила только момент взрыва. Благодаря этим условиям, в России взорвалось и вспыхнуло раньше, нежели в других странах, — вот и все, но сама по себе рабочая революция России была частью мировой рабочей революции, эпизодом интернационального рабочего движения, и только в этой связи может быть понята. Таким образом, если мы будем отыскивать национальные корни русской революции, то нам придется взять, конечно, не революцию рабочую, которая, повторяю, является фактом международным, а не национальным, а придется взять революцию крестьянскую, придется взять переход земли в руки крестьян. Этот переход земли в руки крестьян — единственный результат революции, с которым уже примирилась буржуазия. Как-раз вчера я читал статью Изгоева, где он говорит, что, какая ни будь реакция в России, но с переходом земли в руки крестьян примириться придется. Это то, что уже вошло в железный инвентарь русского общества: земли обратно у крестьян не отберешь. С этим Изгоев соглашается примириться, и затем еще с тем гражданским равенством, которое ввела революция, с упразднением всякого рода сословий, — этого не выкрутишь, не выжжешь никаким фашистским железом, с этим придется примириться. Этот факт, который согласна признать и наша буржуазия, — факт перехода земли в руки крестьян, — является стержнем нашей национальной русской революции, тем, что является не эпизодом мирового движения, а специально русским явлением. Какая была цель этого перехода? Товарищ Ленин давно совершенно определенно установил, в чем заключается смысл этого перехода. Смысл заключается в том, — говорил он, — что в России капитализм в сельском хозяйстве может развиваться, только опираясь, в первую голову, на своеобразное русское фермерство, на русского мелкого сельского производителя. Пока крестьянин не станет таким свободным мелким сельским производителем, в России не будет почвы для развития капитализма в туземных условиях. Наш капитализм всегда будет до известной степени наносным явлением. Таким образом, крестьянин, получивший в свои руки землю, — это, по Ленину, есть база русского капитализма.

Так ставил он дело в 1905—07 гг., не подозревая, что через 10 лет наша капиталистическая верхушка уже перегибнет через капитализм, и что придется устанавливать своеобразный компромисс между диктатурой пролетариата и социалистическим хозяйством, с одной стороны, и этим мужицким капитализмом, — с другой. Я не буду распространяться об этом компромиссе, который, вы сами со мной согласитесь, тоже есть величайшая реальность, реальность, которой мы окружены, которая на нас со всех сторон давит.

Не будем останавливаться на этом компромиссе. Но вот этот факт — стремление русского крестьянина стать мелким самостоятельным производителем, — что это такое? Это есть стержень всей русской аграрной истории, начиная, по крайней мере, с XVI века, если не раньше, но с XVI века уже наверное. В течение 300 лет боролось мелкое крестьянское хозяйство с крупным помещичьим, — боролось за право своего существования.

Самое крепостное право XVI века возникло вовсе не из прикрепления к земле бродячих крестьян, как вы можете прочесть на страницах курса Ключевского. Эта легенда, созданная давно, довольно давно уже и разрушена не только марксистами, но и буржуазными историками. Ее разоблачил Н.А.Рожков, а по следам Рожкова пошел чисто-буржуазный историк, кадет Павлов-Сильванский, который на страницах своей книги «Феодализм в древней России» опровергает эту легенду, будто русские крестьяне XVI века были какими-то бродячими безземельными арендаторами барской земли. Легенда сочинена была, очевидно, в середине XIX века, чтобы оправдать исторически то ограбление крестьян помещиками, которое долго носило название «великой реформы 19-го февраля».

Чтобы объяснить, почему помещик имел право отнять у крестьян жалкие остатки их земель, нужно было выставить теорию, что земля-то искони была барской, а крестьяне только арендовали эту землю. Тогда понятно, что у арендатора можно уменьшить его участок земли. На самом деле, как доказал еще Рожков лет примерно 20 назад, наше крупное и среднее помещичье землевладение XVI века возникло на развалинах мелкой свободной крестьянской земельной собственности, следов которой в тогдашних писцовых книгах мы найдем сколько-угодно, — найдем уже в состоянии вымирания, но не совсем естественной смертью. Целый ряд произвольных, в порядке крепостнического правосознания, действий помещиков вел к тому, что эта крестьянская собственность уменьшалась и уменьшалась, помещик отнимал землю у крестьянина и мешал ему хозяйничать, а крестьянин хотел хозяйничать. На фоне этого разворачивается перед нами длинный ряд крестьянских революций: Смутное время, революция Хмельницкого на Украине, восстание Стеньки Разина и, наконец, Пугачевский бунт к концу XVIII века.

Все это было отчаянной борьбой крестьянина за право быть самостоятельным мелким хозяином, а помещик все его загонял и загонял из этого положения самостоятельного мелкого хозяина в положение батрака с наделом, загонял крестьянское хозяйство на чисто-продовольственную позицию, которая казалась такой естественной нашим эсерам и вместе с ними добрейшему П.П.Маслову, находившим, что это есть факт самодовлеющий и не нуждающийся в дальнейших объяснениях, — между тем как это был результат длительной колоссальной борьбы. Только после «великой реформы» окончательно удалось помещику сбить крестьянина на эту самую продовольственную позицию, когда крестьянин из мелкого производителя хлеба для рынка вынужден был превратиться в человека, который производит хлеб для рынка только на помещичьей земле. Там только производит он прибавочный продукт, а у себя он не имеет этого продукта. Это было совершенно неестественное явление, и крестьяне никогда с этим не мирились. 1905 год напомнил, что инстинкты мелкого производителя глубоко сидят в крестьянине. В начале XX века опять в крестьянине вспыхнула та же жадность земли, опять он полез на помещика, и на этот раз, пользуясь тем, что в стране начало происходить рабочее движение, полез с большим успехом, чем раньше. В 1917 году он добился своего: помещик-паразит был разбит, помещичьи земли перешли в руки крестьян, и та база для русского натурального, туземного мужицкого капитализма, о которой говорил тов. Ленин в 1905—6 году, была, наконец, найдена.

Как видите, товарищи, это — современность, настолько современность, что нам с вами, как партийным людям, придется каждый день решать вопросы, связанные с тем фактом, что крестьянин в настоящем время является своеобразным зачатком русского капитализма. Нам придется этот капитализм тренировать, вводить его в рамки государственного капитализма и сочетать его с пролетарской диктатурой. Это все самое современное, и от этого зависит все наше будущее. Удастся нам удержать корни этого капитализма в наших руках, — мы подвинемся лет на 20 вперед к организации социалистического хозяйства; не удастся, окажется мужицкий капитализм сильнее, победит нас, — и в России неизбежно будет реставрация частно-хозяйственных отношений со всеми их признаками, священной собственностью и проч., что существует в западно-европейских странах. А корни этого факта уходят в XVI столетие.

Вот вам образчик того, что не терять из виду современности вовсе не значит заниматься только тем, что происходит сегодня или тем, что происходило вчера. Поэтому, хотя и устарела моя программа, потому что я читаю теперь не по этой программе, а по другой, и хотя, конечно, в смысле ознакомления с фактами для вас интереснее то, что происходило в XX веке, нежели в XIX, а тем паче в XVI веке, тем не менее, для понимания современности нам приходится и придется уходить глубоко в прошлое. Если мы ограничиваемся в данном случае XIX столетием, то это объясняется просто тем, что времени у нас мало, и что, повторяю, нам, партработникам, важно познаться с фактами нашего ближайшего прошлого, с фактами конца XIX века и начала XX столетия, а на это нужно время, временем приходится дорожить. Поэтому за исходную точку мы возьмем революцию декабристов, т.-е. тот момент, когда этот самый стержень, о котором я вам говорил, выходит наружу. Как видите, и декабристы не могли уйти от этой современности, и для них крестьянский и земельный вопрос стоял в центре всей картины. И мало того: чем тревожнее была эта современность, тем большую роль в их программах и планах играл аграрный вопрос; чем она была спокойнее, тем больше этот вопрос отступал на задний план. Самые основные идеологи декабристов больше всего внимания отдавали именно крестьянскому вопросу, вопросу о земле и крепостном праве. Тургенев в «Северном обществе» и Пестель в «Южном обществе», самые серьезные и глубокие люди, занимались, главным образом и почти исключительно, этим, и поскольку этот стержень отражался в программах и планах, он уже доходил до сознания и выходил наружу. В этом значение революционного движения первой четверти XIX века.

Для того, чтобы понять это революционное движение, как опять-таки всякую революционную борьбу, которая происходила в XIX веке, нам придется сделать некоторое усилие фантазии. Я думаю, что для того, чтобы связать XVI век с 1917 годом, закрепощение крестьян с декретом Совета Народных Комиссаров о земле, вам усилие фантазии, вероятно, понадобится. Теперь понадобится еще большее. Дело в том, что по истории революционного движения XIX века мы имеем довольно обширную литературу, оставшуюся нам в наследство от буржуазных историков. Эти буржуазные или интеллигентские историки (конечно, они буржуазные, потому что интеллигенции, как особого класса, не существует, но, тем не менее, как вы увидите, особенности интеллигенции, как группы, отражались на этом процессе), разумеется, смотрели на исторический процесс, как вообще смотрят на него интеллигенты, с индивидуалистической точки зрения. Им это революционное движение XIX века казалось борьбой за свободу. Тот факт, который нам с вами совершенно понятен и ясен, что свобода не есть самоцель, а что она есть средство для реализации высших целей, для перехода к социализму, — этот факт, хотя буржуазия второй половины XIX века и знала о социализме, и много, довольно много, даже слишком много говорила о нем, этот факт ускользал от буржуазии.

Ей борьба с самодержавием за свободу казалась самоцелью. Чем определяюсь эта самоцель? Естественно, человеку врождено чувство стремления к свободе. Что же тут говорить? Это известный, если хотите, биологический корень исторического понимания буржуазии. Человек хочет освободиться. Что это стремление к свободе есть не что иное, как отраженное через десять зеркал стремление к самостоятельности вот этого самого мелкого производителя, о котором я говорил применительно к России, как о производителе сельскохозяйственном, как о крестьянине, — но таким мелким производителем в области обрабатывающей промышленности будет и ремесленник, — что стремление к самостоятельности мелкого производителя, которого душит крупный собственник в деревне, крупный капитал в городе, что оно лежало в основе этого благородного стремления к свободе, — с этим, конечно, буржуазия и от ее имени говорившая интеллигенция не соглашались. Не так просто это, говорили они. Их объяснение казалось им более сложным, более научным. И вот, на этой почве творится настоящая легенда истории русской революции. Происходит борьба, борьба людей, сознавших, что такое свобода, и стремящихся к свободе, с тем, кто их угнетает, кто у них свободу отнимает, значит, с самодержавием, прежде всего. Так как свобода в то время отсутствовала не только для буржуазии и буржуазной интеллигенции в политической плоскости, но и для крестьян в гражданской плоскости (крестьянин был крепостной), то совершенно естественно было связать самодержавие, политическую верхушку, с крепостничеством, с крепостным правом. Отсюда термин, который вы у меня и вообще в нашей литературе встретите, — крепостническое государство. Это тот зверь, с которым боролись люди, стремившиеся к свободе, этим зверем было крепостное право, увенчанное самодержавием. В середине XIX века борцы за свободу сломали часть этого чудовища, ноги ему, так-сказать, перешибли, добились освобождения крестьян 19-го февраля 1861 года, а затем постарались ударом в голову окончательно добить чудовище. Этому посвящена вторая половина XIX и начало XX века. Наконец, самодержавие было низвергнуто в феврале 1917 года. Буржуазия и, в особенности, говорившая от ее лица интеллигенция, надеявшиеся вступить в царство божье свободы, налетели со всего маху на пролетарскую диктатуру. Это до такой степени не входило во все их расчеты, до такой степени было странно, нелепо и дико для них, что они взвыли, как вы знаете, возопили, отреклись от этой революции, заявили, что она «не настоящая». И только теперь соглашаются признать, как я сказал, некоторые ее результаты: переход земли в руки крестьян и гражданское равенство. Дальше этого они не идут. Что касается свободы, то тут они впали в столь глубокое отчаяние, в столь глубокий, по немецкому выражению, «катцен'яммер», что готовы мириться даже на режиме Александра III. Один из них написал, что самое лучшее, чего можно ожидать, — это восстановления режима Александра III.

Но оставим их с их мудрствованиями. Этот эпизод 1917 года, когда интеллигенция, стремившаяся к свободе, вдруг попала в пролетарскую диктатуру, этот эпизод — очень жестокий эпизод не только для самой интеллигенции, но и для той исторической концепции, о которой я говорил. Боролись за свободу десятилетиями, а в конце-концов — вовсе не свобода, а нечто другое. Но для всякого беспристрастного историка в свете событий 1917 года начинают очень отчетливо виднеться те белые нитки, которыми сшита была вся эта концепция. В самом деле, царь есть царь помещиков, коронованная верхушка крепостнического государства, которая только при крепостном праве и возможна. Чем же буржуазные историки объясняют тот факт, что царь не всегда действовал в пользу помещика? Ведь, все-таки царь освободил крестьян: как ни изображали это событие, как уступку, вырванную у царизма благородными борцами за свободу, борцы как-то очень мало обнаружили себя именно в это время, и пришлось построить довольно искусственную теорию государственных и экономических соображений, которые вынудили царизм в 1861 году пойти на эту уступку. Это сделано было для того, — говорили, — что государству нужно было построить сеть железных дорог в России. Почему, однако, государство не могло построить эту сеть железных дорог при крепостном праве? Есть другой подход: говорят, нужно было освободить крестьян потому, что Крымская война, поражение, нанесенное России итальянцами, французами и англичанами, показало, как слаба крепостная Россия, — нужно было усилить Россию в ее международной борьбе. Такого рода объяснениями, более или менее искусственными, старались объяснить этот факт, не замечая самого главного, — например, того, что весь XIX век самодержавие держалось так-называемой покровительственной системы, упорно облагало высокими пошлинами заграничные товары. Выгодно это было для помещика или нет? Крайне невыгодно. Помещику приходилось за все, чем он пользовался, — а он и его семья привыкли одеваться в заграничные сукна и шелка, носить заграничное белье, покупать заграничную мебель и т.д., — за все это платить втридорога, потому что на границе высокие пошлины. И помещики постоянно против этого вопили. В первые десятилетия XIX века помещики все время протестовали против этой покровительственной системы. Однако, на всем протяжении XIX века, за исключением короткого промежутка с конца 50-х до конца 70-х годов, — т.-е. как-раз того периода, когда помещик получил, повидимому, смертельный удар, ибо у него был отнят крепостной мужик, ликвидировано крепостное право, — пошлины остаются высокими.

Приходилось придумывать какие-нибудь искусственные объяснения, — приходилось, но нельзя было ничего придумать. Индивидуалистическое объяснение русской истории XIX века, как борьбы за свободу против самодержавия, и само объяснение самодержавия просто как верхушки крепостнического государства и больше ничего, — это объяснено недостаточно глубоко, оно оставляет нас в недоумении перед целым рядом вопросов, на которые, однако, нужно же как-нибудь отвечать. И, повторяю, нужно некоторое усилие фантазии, чтобы представить себе, что в образе этой борьбы за свободу против самодержавия, в сущности, шла ожесточенная "борьба двух форм капитализма, борьба торгового капитала с промышленным капиталом, борьба, происходившая всюду: это явление мировое, а вовсе не специально русское. Французская революция была одним из эпизодов этой борьбы, германская революция 1848 года была одним из эпизодов этой борьбы. И только в Англии эта борьба не принимала такого острого характера, благодаря тому, что там промышленный и торговый капиталы необыкновенно счастливо для них размежевались, — торговый переместился в колонии и там до наших дней держался той системы, которая ему свойственна, а промышленный капитал оставался в Англии и там господствовал, — благодаря этому разделению труда, лишь изредка раздражались там более или менее острые конфликты. Одним из таких конфликтов была американская революция XVIII века, а другой развивается на наших глазах. Если исключить эти конфликты, в общем и целом в Англии и промышленный, и торговый капитализм уживались мирно на всем протяжении, но это только английское своеобразие, как и многие другие английские своеобразия. На континенте эти столкновения были почти во всех странах, а наиболее острыми они были в России, потому что оба капитализма, и торговый, и промышленный, явились в Россию очень поздно и спешили догнать своих западно-европейских родоначальников и прототипов, и в этой спешке они топтали друг-друга, мяли друг-друга, сталкивались друг с другом более бесцеремонно, чем в Западной Европе.

Те из вас, кто читал «Русскую историю в сжатом очерке», те, конечно, помнят эту историю борьбы промышленного и торгового капитала на русской почве, потому что она у меня является тоже стержнем, — употребляя недавно очень ходкое, теперь выходящее из моды выражение, — стержнем русской истории. Мне поэтому не приходится много говорить относительно этого. Я нарисую картину только в самых общих чертах. Торговый капитал, эксплуатирующий самостоятельного мелкого производителя, не вмешивающийся в производство и не создающий производства, не организующий его, оперирует при помощи внеэкономического принуждения. Его особенностью, его наиболее типичным созданием, которое на русской почве не развивалось и не расцвело, является плантация, плантация, скажем, южных штатов Северной Америки; хлопчатобумажные или табачные плантации с неграми-невольниками, которые представляют собой часть живого инвентаря этих предприятий. Эта плантация представляет собой типичное произведение торгового капитала. Плантация есть явление капиталистического хозяйства, не феодального. Это нечто искусственно созданное капитализмом, но это есть нечто до такой степени противоположное промышленному капитализму и фабрике, на которой работает свободный пролетарий, настолько противоположное, как только можно себе представить.

У нас, в России, некоторые побеги плантационного хозяйства мы встречаем в конце XVIII и в начале XIX века. Некоторые наши помещики переводили своих крестьян на так-называемую месячину, т.-е. давали им ежемесячно известное количество хлеба, обыкновенно весьма малое, отбирали у них всю землю и ликвидировали всякое крестьянское хозяйство. Тогда помещик превращался в некоторое подобие владельца плантации, а крепостной крестьянин превращался в некоторое подобие негра. Это отразилось и в русской литературе, во-первых, эпизодами, описывавшими, как расправлялись крестьяне, доведенные до отчаяния, с таким помещиком (первый эпизод такого рода мы встречаем в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева), во-вторых, своеобразными названиями и именами, встречающимися в русской литературе, как, например, генерал «Негров» герценовского романа «Кто виноват?». Это любопытные черточки, штрихи, намечающие этот процесс, но самый процесс в России едва намечился. Плантация для России всегда оставалась известной предельной возможностью, к которой тяготело помещичье хозяйство, и которой оно никогда не достигало. Фактически довольствовались тем, что переводили крестьянина на продовольственное хозяйство, о котором я вам уже говорил, и превращали его в батрака с наделом, — сначала не в батрака, а в крепостного с наделом, и лишь позднее уже в батрака. Тем не менее, и для этой операции приходилось оказывать на крестьян колоссальное давление внеэкономического характера. И вот, торговый капитал, чтобы иметь возможность отнять у мелкого самостоятельного производителя надельную землю, а прибавочный продукт его труда заполучить в свои руки, вынужден был создать эту громадную машину полицейского бюрократического государства, увенчанную Мономаховой шапкой. В Мономаховой шапке ходил по русской земле именно торговый капитал, для которого помещики и дворянство были только агентами, были его аппаратом.

Вот чем и объясняется иногда бесцеремонное отношение «хозяина русской земли» к русскому дворянству, — и хотя этот хозяин и напоминал ему подчас, что он тоже дворянин и тоже помещик, но это был больше комплимент. На самом деле он был воплощением силы, гораздо более могущественной и общей, нежели собственность помещичья, потому он и смотрел на эту последнюю сверху вниз и обращался со своим аппаратом так же бесцеремонно, как мы обращаемся со своим советским аппаратом: производим всякое сокращение штатов, переброски и всякие другие вещи. Так же самодержавие обращалось с помещиками, с дворянством, поскольку это был его аппарат. Нужно было торговому капиталу, — и при Петре помещика гнали на войну и держали под ружьем в течение 20-ти лет подряд, не давая ему вернуться домой. Нужно было торговому капиталу, — и он вводил огромные ввозные пошлины, опустошавшие карман помещика. Нужно было капитализму, уже не только торговому, а вообще капитализму, освободить крестьян, — освобождали крестьян, хотя помещики кричали, и, несомненно, не все помещики при этом выигрывали.

Если мы, став на эту точку зрения, будем рассматривать самодержавие, как политически организованный торговый капитализм, мы поймем всю трагедию истории революционного движения. Промышленный капитал, который развивался из торгового капитала стихийно и неизбежно, — как превращается торговый капитал в промышленный, это вы знаете из Маркса и из ваших лекций по политической экономии, мне нечего об этом говорить, — этот стихийно, с железной необходимостью вырастающий промышленный капитал требовал совершенно других условий. Поскольку промышленный капитал организует производство; ему не нужно внеэкономическое принуждение. Будучи хозяином самого процесса производства, он не нуждается во всякого рода искусственных подпорках, чтобы мобилизовать массы закабаленных им людей. Он, как я выразился в одном месте своего учебника, действует на этих закабаленных людей не через спину, как действовал торговый капитал, а через желудок. Способ действия более тонкий, если хотите, но во всяком случае столь же физиологический.

И вот то, что внеэкономическое принуждение не нужно для промышленного капитала, делает его великим, смертельным врагом самодержавия не только в России, но и во всех странах. История — вещь очень жестокая. Все, что не нужно в историческом процессе, сейчас же становится вредным и нетерпимым и должно быть выброшено. Это русское самодержавие видело, можно сказать, на себе лично. Ведь, чем, в сущности говоря, объективно рассуждая, Николай II был хуже иных своих предшественников? Несомненно, он был лучше и Павла I, он был лучше и Николая I, — просто был лучше, как человек. Тем не менее, однако, Павла I постигла неприятность, но самодержавие от этого не пало, а Николая I никакая неприятность не постигала в течение 30-ти лет, а если, в конце-концов, он отравился, то по условиям внешней политики, а не внутренней: и не подданные его отравили, а он сам себя отравил, потерпев поражение во внешней войне, к чему Николай II был не хуже своих предшественников, но, тем не менее, история жестоко обошлась с ним именно, а не с его предшественниками, потому что Николай I и Павел I были, очевидно, зачем-то этой истории нужны, потому что во время господства торгового капитала, во время его расцвета капитализм нуждался в этой коронованной верхушке, а в начале XX века она ему не нужна была совершенно, а поскольку она не нужна, постольку ее история совершенно безжалостно, как из машины винт негодный, вышвырнула вон. Система промышленного капитализма, система промышленно-капиталистического государства не нуждалась во внеэкономическом принуждении, но зато она нуждается в другой вещи, которой крепостное право самым решительным образом мешало. Эта другая вещь — свободный, открепленный от земли рабочий, рабочий текучий, постоянно передвигающийся по стране, представляющий собой постоянно мобилизованную резервную армию труда. Здесь поперек дороги промышленного капитализма стояло крепостное право, и вот почему: в первую половину XIX века промышленный капитализм бьет, главным образом, по этой линии — против крепостного права. В 1861 году он тут пробивает брешь: крепостное право ликвидировано в тех размерах, как это минимально нужно было промышленному капитализму. Он получил резервную армию труда и получил возможность, таким образом, дальнейшего развития.

В начале XX века оказалась ненужной промышленному капитализму и политическая организация торгового капитала. Она стала для него крайне стеснительной: он восстал против нее и, опираясь на начавшуюся рабочую революцию, он ликвидирует самодержавие с 1905 по 1917 год, но что, ликвидируя самодержавие при помощи рабочей революции, он в то же время предпринимает ликвидацию самого себя, — этого русскому промышленному капиталу в голову не пришло. Вообще правильно сказал какой-то старый мудрец (не могу привести его фамилии), что если бы люди точно знали свое будущее, то это, вероятно, лишило бы их всяких побуждений к действию. Только потому, что это будущее для них закрыто, они имеют возможность активно действовать. Поэтому совершенно естественно, что промышленный капитализм, пролагая дорогу, в сущности, социализму, не только у нас, но и во всех странах, не подозревал, для кого он работает, и чье дело он делает.

Вот если мы с этой точки зрения подойдем к революционной борьбе XIX века, тут перед нами все те проблемы, которые стояли перед нашими буржуазными предшественниками, моментально исчезнут и разрешатся сами собой. В самом деле, почему были освобождены крестьяне в 1861 году? Потому, что это понадобилось промышленному капитализму в связи с постройкой железных дорог и т.д.; потому, что как-раз постройка железных дорог в России была самым крупным толчком к развитию промышленного капитализма, какой Россия получала в течение всего XIX века.

Русская металлургия выросла именно благодаря созданию русской железнодорожной сети, а металлургия, тяжелая индустрия, есть база всей промышленности. Эта база создавалась у нас именно в то время в связи с постройкой железных дорог, но связь была, конечно, не такая, которую представлял, например, Струве. Для него постройка железных дорог была фактом государственной необходимости, — государству нужно было создать железнодорожную сеть; на самом же деле это нужно было для дальнейшего развития капитализма. Постройка железнодорожной сети — это был компромисс между торговым капиталом, который делал уступку, ликвидируя крепостное право, и промышленным капиталом. Два капитала между собой сталкивались.

Хорошо, — говорил торговый капитал, — я тебе дам свободного рабочего в тех размерах, в которых он тебе нужен, ликвидирую крепостное право, но зато я так начну качать хлеб из оставшихся в моем распоряжении мелких производителей, как раньше никому качать не удавалось.

Прекрасно, — говорил промышленный капитал, — мы тебе железнодорожную сеть построим: это такая помпа, такой насос, которого ты раньше никогда не имел. Что у тебя раньше было? Были реки да каналы, мужичок возил на телегах хлеб, а теперь поезда будут катать по всей России, и хлеб будет вывозиться в колоссальных размерах, в миллионах пудов будет извлекаться из амбаров крестьян.

Просто, чтобы у вас в памяти осталось нечто конкретное, позвольте вам привести цифры: в 1850 г., за 10 лет до реформы, из России вывозили 23 милл. пудов пшеницы, а в 1870 году, через 10 лет после реформы, — 96 милл. пудов. Ржи в 1850 году вывозили 5,5 милл. пудов, а в 1870 году — 27,5 милл. пудов.

Вывоз хлеба, благодаря постройке железнодорожной сети, колоссально увеличился. Мы с вами увидим в дальнейшем, насколько от этого выигрывал помещик. Вы увидите, что он выигрывал не везде, и выигрывал условно. Но что торговый капитал выигрывал от этого, нетрудно понять. Уже если оборот у него увеличился в 3, 6, 10 раз, то, конечно, и барыш увеличился в 5, 6, 10 раз, и торговый капитал, в лице Колупаевых, Разуваевых, увековеченных Щедриным, так расцвел на русской почве, как никогда до тех пор. Промышленный капитал, создавший торговому капиталу возможность качать прибавочный продукт так, как он раньше никогда не качал, сам зато получил свободного рабочего, — история совершенно понятная и простая. Помещик в своей дворянской шинели и в фуражке с красным околышем топтался на одном месте, бил себя в грудь и заявлял свой права благородного сословия, а деловые люди, купцы крепко становились на ноги, кланялись ему в пояс, а про себя думали: «а и дурак же ты, батюшка барин».

С этой точки зрения становится нам понятна и та первая революция, к изображению которой я сейчас перехожу, именно революция декабристов. Я имею возможность нарисовать ее только в самых общих чертах. Читать подробно историю этого заговора я не стану. Во-первых, в минимальных размерах она мной изложена даже в «Сжатом очерке», а в более обширных размерах вы найдете ее в моем «четырёхтомнике». Я опять, в порядке напоминания, скажу только два слова в общей схеме.

В первую четверть XIX века, тотчас после того, как Россия вышла из наполеоновских войн, на русской почве начинают возникать одно за другим тайные общества, сначала общество «русских рыцарей» в 14-м году, затем «Союз спасения» в 17-м году, «Союз благоденствия» в 18-м году и, наконец, то, что называется «Тайным обществом декабристов», настоящий заговор, около 1821 года. Эти тайные общества выступили в момент кризиса, чисто-личного кризиса власти наверху, когда царь Александр I внезапно умер 19-го ноября 1825 года, умер за тридевять земель от столицы, в Таганроге, на берегу Азовского моря, и когда у России не оказалось царя, потому что Константин, следующий за ним брат (детей у Александра не было), как оказалось, давно отрекся от престола, о чем никто не знал, а следующего брата, Николая Павловича, вследствие того, что не знали об отречении Константина, не хотели признать царем. Эта заваруха наверху дала повод к выступлению давно зревшего в тайных обществах заговора. Восстание произошло в Петербурге 14-го декабря ст.ст. 1825 года, затем произошло восстание на юге в конце декабря. Однако, восстание было разгромлено, члены тайного общества поарестованы, преданы суду, лидеры заговора были повешены, остальные были сосланы на каторгу, и началась длинная эпопея декабристов.

Первое в России выступление борцов за свободу против самодержавия, первая легенда, которая затем идет через весь XIX век, вдохновляет следующих борцов. Субъективного психологического значения этой легенды я нисколько не думаю оспаривать: оно было колоссально, и действительно она вдохновляла последующих борцов.

Но какие были объективные корни всей этой истории? Тут нам приходится с этих высот, — высот, как вы видите, весьма относительных, — спуститься довольно глубоко к факту чрезвычайно тривиальному. Этим тривиальным фактом, который лежит в основе первой сознательной революции против самодержавия, какая была в России, первой попытки низвергнуть самодержавие, — этим тривиальным фактом был русский хлебный вывоз. В XVIII веке, в связи с известным вам промышленным переворотом в Англии, с которого, если не ошибаюсь, начался ваш курс истории Запада Англия стала поглощать большое количество ввозного хлеба, и главным поставщиком хлеба на английский рынок являлась Россия. Промышленный переворот в Англии явился, таким образом, исходной точкой своеобразного переворота в русском помещичьем имении. Оно начало превращаться в фабрику для производства хлеба. Этот перелом уже намечился в конце XVIII века, но с особенной силой он дал себя почувствовать тотчас после наполеоновских войн, значит, в середине второго десятилетия XIX века.

Вывоз пшеницы, — и то же самое с рожью и со всеми другими хлебами, — рос с катастрофической быстротой. Он в пять раз вырос на протяжении 4-х лет*. Вы чувствуете, что это выкачивание хлеба из России должно было произвести настоящее революционное действие. Это же была настоящая революция, когда помещичье имение сразу в пять раз должно было производить больше хлеба для экспорта на мировой рынок, нежели оно производило перед этим. И как-раз в эти самые годы начинают расти, как грибы, тайные общества. Два факта, которые нельзя не сблизить между собой.

Какую цель ставят себе эти тайные общества? Несомненно, что если мы попробуем начертать равнодействующую всех декабристских обществ (они называются декабристскими просто в ретроспективном порядке, потому что закончилось движение восстанием 14-го декабря 1825 года), если, я повторяю, мы попробуем провести равнодействующую всех этих тайных обществ, то этой равнодействующей будет ликвидация крепостного права. Недаром это была центральная идея как самой сильной головы Северного общества (петербургского) Николая Ивановича Тургенева, для которого ликвидация крепостного права была стержнем всей его литературной и политической деятельности, так и Южного общества — полковника Пестеля, мысли которого также вертелись около аграрного переворота и около крестьянского вопроса. Спрашивается: что вынудило помещиков в это время поставить вопрос о ликвидации крепостного права? Да тот факт, хорошо, конечно, вам известный опять-таки из общего курса политической экономии, что крепостной труд является одной из наиболее экстенсивных форм приложения труда вообще. Крепостное хозяйство есть чрезвычайно экстенсивное хозяйство.

Труд крепостной — труд чрезвычайно непроизводительный. Тут уж позвольте мне не приводить цифровых данных, а просто сослаться на выдержку из статьи Заблоцкого-Десятовского, которая имеется в хрестоматии Коваленского. Крепостной труд был чрезвычайно мало производителен. Это отчетливо было сознано еще в XVIII веке, и если придерживались до сих пор его, то только потому что, будучи чрезвычайно мало производительной формой труда, это была в то же самое время самая дешевая форма труда. Поскольку крепостному мужику за его барщинную работу ничего не платили, постольку он, конечно, был самым дешевым работником, ибо всякому другому приходилось что-нибудь платить. И вот, пока вывоз хлеба из России рос сравнительно медленно, и пока цены на хлеб поднимались тоже сравнительно медленно, до тех пор помещик мог, приспособляя к условиям рыночного хозяйства свое имение, довольствоваться малопродуктивным барщинным трудом.

Но как-раз на эти годы, о которых я говорю, падает бурный подъем хлебных цен. Во второй половине XVIII века хлеб стоил на лондонском рынке в среднем около 50 шиллингов за квартал (приблизительно 12 пудов), в первое десятилетие XIX века он стоил уже 74 шиллинга за квартал, и в следующее десятилетие цена поднялась почти до 90 шиллингов за квартал. В течение этих десяти лет цены на хлеб росли необыкновенно бурно. Они росли так же революционно, как рос вывоз хлеба из России. И вот это неожиданное увеличение хлебных цен, в связи с необходимостью выкидывать на рынок все большее и большее количество продукта, к поставило помещика перед задачей, которая им плохо сознавалась даже еще в 1809 году. В 1309 году в трудах «Вольного экономического общества» вы встретите еще панегирики барщинному хозяйству, т.-е. эксплуатации крепостного труда в его старом виде.

* С 5-ти приблизительно миллионов пудов для пшеницы и для ржи в 1813 году, когда начался вывоз после снятия «континентальной блокады», до 22-х милл. пудов пшеницы и 20-ти милл. пудов ржи в 1817 г.

А уже в течение второй половины второго десятилетия, т.е. через 7—8 лет, вопрос об освобождении крестьян становится так остро, что проникает в художественную литературу. Знаменитое пушкинское стихотворение «Деревня», направленное против крепостного права, стаяло Пушкину благосклонный отзыв императора Александра I. Это произошло около 1819 года. На протяжении 10-ти лет произошел крутой поворот. Любимец и временщик Александра I, Аракчеев, составляет проект освобождения крестьян. До такой степени конъюнктура переломилась. Подкладка для вас совершенно ясна.

Нужно было интенсифицировать труд крестьян в имении. Как это сделать? Это был коренной вопрос, повторяю, около которого все вертелось.

Помещики начинают находить, что крестьянин ужасно ленив, что крестьянин очень мало работает, и, между прочим, это находит декабрист Якушкин. Он находит, что крестьянин чрезвычайно мало работает; необходимо что-то такое сделать, чтобы побудить его к труду. Вот что рассказывает Якушкин о своих наблюдениях, когда он приехал в смоленское имение, где у него плохо шло хозяйство: «С этими средствами они (крестьяне), конечно, не ходили по миру, но нельзя было надеяться этими средствами, т.е. старыми приемами хозяйства, улучшить их состояние. Тем более, что, привыкнув терпеть нужду и не имея надежды когда-нибудь с ней расстаться, они говорили, что всей работы никогда не переработаете, и потому трудились и на себя, и на барина, никогда не напрягая сил своих. Надо было придумать способ пробудить в них деятельность и поставить их в необходимость прилежно трудиться». Это слова Якушкина, одного из видных членов тайного общества и, нужно сказать, одного из самых благородных декабристов. Якушкин был одним из немногих, которые с большим достоинством держали себя на допросах перед Николаем I, и, несмотря на то, что Николай подверг его форменным пыткам (ему заковали руки и ноги в кандалы и держали в таком виде целые месяцы), он все-таки остался при своем, и его ответы, которые записаны в следственном деле, необыкновенно благородны. Он держался гораздо лучше, чем, например, Рылеев, без всякого сравнения лучше, хотя Рылеев — это был поэт декабристов, их певец, одна из поэтических фигур, как вы увидите в следующий раз, Рылеев держался куда хуже на допросе, чем Якушкин. Якушкин показал себя настоящим революционером. И вы видите, что этот настоящий революционер открыто говорит, что его заставило хлопотать о крестьянской реформе. Он прямо говорит: поставить их (крестьян) в «необходимость прилежно трудиться». Он в своих записках был таким же искренним и правдивым человеком, как на допросе. Он не скрывал своих аргументов.

И вот Якушкин придумал систему, чрезвычайно простую, и которая, как мы видим из других цитат, приходила в голову не одному Якушкину, а и целому ряду других тогдашних помещиков. Как заставить крестьян прилежно трудиться? Да очень просто. Дать им свободу, отобрав у них всю землю. Тогда, поставленные в необходимость добывать себе хлеб трудом рук своих, они будут или арендовать свою землю, и тогда они будут стараться выработать арендную плату и работать больше, чем работали до сих пор, или они в качестве батраков будут применяться на этой земле. Это идея настолько общая, что она пришла в голову не только Якушкину, но и другим помещикам Смоленской губернии. «Как можно согласить выгоды помещика со свободой крестьянина? Мне кажется, очень легко. Вот как бы я предлагал. Я уступил бы поселянам дворы их с землей под поселение и общим выгоном, оставив у себя всю прочую землю, т.е. всю пахоту. Остальную же оставшуюся от крестьян землю отдавать крестьянам на стороне», — писал один такой помещик. И нужно прибавить, что такая крестьянская реформа и была проведена в этом самом году, в 1819, наиболее передовыми помещиками в России, помещиками Остзейского края, Лифляндской и Эстляндской губерний, остзейскими баронами, которые во многом показывали путь своим более отсталым русским собратьям. Они ввели, например, в обиход крепостного имения розгу. Раньше били палками, это было вредно для здоровья и не столь действительно, — розга оказалась более действительным средством и оказывала свое действие, как доказывали тогдашние гигиенисты, не вредя здоровью. Они показали путь винокурения, — первые винокуренные заводы завелись в остзейских губерниях. Они показали путь и тут, освободив своих крестьян без земли и подготовив в будущем великолепнейшую латышскую социал-демократию, так что, в конце-концов, может-быть, марксисты и выиграли от их способа освобождения крестьян. Но когда Якушкин предложил этот способ, то не пролетариат и не марксисты, а сами крестьяне ответили ему классической фразой. Они его спросили, как бы не поняв: «А земля-то, батюшка, чья же будет?» — «Земля, конечно, моя, а вы вольны ее арендовать». На это последовал классический ответ: «Ну, так, батюшка, оставайся все по-старому: мы ваши, а земля наша». Когда крестьянам сказали, что земли у них никакой не будет, они заявили: «Нет, на это мы не согласны». И когда Якушкин со своим проектом отправился к тогдашнему министру внутренних дел Кочубею, то Кочубей, очень умный и тонкий старик, дал ответ, что, конечно, реформу произвести можно, но это вызовет такой бунт, от которого не поздоровится ни Кочубею, ни Якушкину. Поэтому лучше этот план интенсификации крестьянского труда оставить и перейти к другому. В следующий раз, когда мы будем разбирать подробно проекты декабристов, мы увидим, что декабристы с этим посчитались, что они все-таки оставляли крестьянам мелкое, чисто-продовольственное хозяйство.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

Тов.Ольминский в своей статье, которую вы, вероятно, читали, так ставит дело: собираются, — говорит он, — праздновать 100-летний юбилей декабристов, собираются ставить им памятник и т.д. За что? Кто такие были декабристы? Это были, — говорит он, — помещики, которые обманом увлекли солдат на Сенатскую площадь и постыдно бросили их, когда царь начал этих солдат расстреливать. Это были представители чисто-помещичьих интересов, которые заботились только о помещичьей выгоде. В доказательство он приводит одну, как вы сейчас увидите, довольно загадочную, цитату из «Русской Правды» Пестеля. И вот,— задает вопрос т.Ольминский, — что же мы будем праздновать в декабре 1925 года: 20-летие нашей первой пролетарской революции или же столетие обмана помещиками солдат?

Что касается празднования того или другого юбилея, то я тут, если хотите, согласен с т.Ольминским, что вообще гам юбилеев праздновать не следует. Юбилей это есть буржуазный обычай, состоит он в том, что подгоняют те или другие торжества к известным срокам, прежде всего, срокам человеческой жизни, индивидуальной жизни. Поэтому юбилей есть вещь чрезвычайно индивидуалистическая; в этом смысле я протестовал и тогда, когда справляли мой юбилей, кажется, 2 или 3 года назад. Но во всяком случае, уж раз эту буржуазную игру в юбилей люди начали, так нужно правила игры соблюдать. Юбилей — это что такое? Есть 100-летний юбилей, есть полувековой юбилей, есть четвертьвековой юбилей. И мы праздновали недавно 25-летний юбилей со дня основания нашей партии, праздновали 50-летие тов. Ленина. 20 лет не есть юбилейный срок. Конечно, в последнее время стали справлять даже 5-летние юбилеи, но к этому все относятся несколько скептически и иронически, так что с точки зрения юбилейной тов.Ольминский более прав, нежели он вообще думает. Мы должны вспоминать нашу первую пролетарскую революцию каждый декабрь, независимо от того, 20-й это декабрь, 18-й или 23-й, — каждый раз не мешает ее вспоминать, посвящать ей статьи, говорить о ней, устраивать по этому поводу вечера воспоминаний и т.д. Все это будет очень хорошо. По поводу декабристов никто не предлагает их вспоминать каждый декабрь, но отметить их 100-летнюю годовщину все-таки следует. Почему следует, — это я скажу в заключение, а пока должен сказать, что декабристы, вопреки мнению т.Ольминского, отнюдь не все были помещиками, обманно увлекшими солдат на Сенатскую площадь, а были в своей известной части, в той части, которая на Сенатской площади почти не была представлена, но в стране была представлена довольно хорошо, настоящими революционерами, и на одном, по крайней мере, своем крыле революционерами-демократами. Они не были только одним: они не были социалистами и не были революционерами-пролетариями. Это совершенно верно, но никакого пролетариата в России вообще в то время не было и не могло быть, поскольку существовало крепостное право, и совершенно ясно, что требовать от декабристов, чтобы они, кроме того, были еще и пролетарской партией, — это все равно совершенно, что требовать, чтобы яблоки на яблонях поспевали в мае, когда яблоки поспевают только к августу или сентябрю. В этом декабристы неповинны, а во всем прочем они, как увидите, дошли до той крайней грани революционности, которая возможна для непролетарских классов, которая возможна для буржуазии крупной и мелкой; аграрная же программа декабристов, как вы увидите и как я говорил в прошлый раз, является стержнем, проходящим через всю историю нашего революционного движения, вплоть до 1917 г., когда был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров о земле; мы все идем от аграрной программы Пестеля, как я постараюсь сегодня показать. Правда, это зародыш, но с чего-нибудь все начинается, и нам любопытно проследить нашу собственную революцию до этих первых ее заледеней.

Прежде всего, не только декабристское выступление не исчерпывается тем, что происходило на Сенатской площади в Петербурге 14-го декабря 1825 года, но самое серьезное происходило не там. Если к Петербургу были прикованы все взоры, и до сих пор остаются прикованными взгляды историков, то это потому, что в Петербурге решалась судьба всего движения, она решалась там несомненно, но ведь, тов.Ольминский подходит с субъективной стороны, с той точки зрения, что декабристы это были помещики, обманувшие солдат. Подходя с субъективной стороны, приходится расценивать декабристов по этой субъективной линии, значит, по яркости их программ и по решительности их выступления. И вот самые яркие программы и самые решительные выступления мы встречаем не в Петербурге, а далеко от Петербурга, на территории нынешней Киевской, Волынской, Подольской губерний, где были сосредоточены тогда главные силы русской армии, — там мы встречаем самую левую декабристскую организацию, так-называемое «Общество соединенных славян». Это «Общество соединенных славян» состояло из совершенных голышей, из бедных, нищих армейских офицеров, по преимуществу артиллерийских офицеров, которые и тогда были наиболее интеллигентной частью офицерства, и программа их не имела, конечно, ничего общего с интересами помещиков, как таковых.